

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ

СЕГОДНЯ последний спектакль. Очень короткой, очень стремительной была наша встреча с Ленинградским театром им. Ленсовета. Мещ — это так немного, если говорить о времени. Но оно, это время, вместило в себя столько впечатлений, что сейчас кажется, будто знаешь этот театр давно. Почти каждый спектакль дарил какое-нибудь открытие. Неожиданно и по-новому открывался актер, которого ты видел накануне, по-новому решался известный тебе прежде спектакль, возникали новые грани «вечных» вопросов, и сами вопросы обретали новую остроту.

Мы увидели коллектив талантливых и современных в точном значении этого слова. Дух современности, нерв поиска, убежденность, с какой театр утверждает многообразные линии человеческого бытия. И наш современный герой, и далекий во времени ил пространством герой иного мира — прежде всего человек многомерный и сложный, движущийся и способный захватить вас властью своих раздумий. В те минуты, когда актер на ваших глазах творит этого человека, вы живете одним дыханием с ним, растворяя в себе его радость и боль.

Много, очень много было таких минут, и они не уходят от нас после спектакля. Дело не только в том, что мы запомнили имена, лица — как-то часть нашей жизни теперь слита с ними. О чем-то подобном думаешь после таких спектаклей, как «Остается час», «Таня», «Мой бедный Марат», «Человек со стороны».

В ряду наиболее ярких и памятных впечатлений останется Юрий Александрович Щербаков в спектакле «Остается час» — режиссер Н. Райхштейн. Щербакова играет засл.

арт. РСФСР О. Каган. Мудрость щедрого, беспокойного сердца, мудрость, которой дано без деклараций и прописных сентенций открывать очень непростые пути к истине, — вот главное, чем захватывает и покориет Щербаков-Каган. Во всем его облике — в голосе, выражении лица — вы постоянно видите проявление большого и богатого мира. Он несет в себе множество оттенков — то едва уловимых, то подчеркнуто резких, драматичных. Мягкий и чуть ироничный взгляд — в нем та же мудрость человека, которому жизнь не однажды открывала крутые дороги. Мы можем представить, как шел он по ним. Нет, это не был безмятежно бодрый марш. Порой на подьеме не хватало дыхания. Но он шел, не забывая подать руку тому, кто поднимается следом за ним. Долгим ли будет его дальнейший путь? Этот вопрос, кажущийся абстрактным, пока говорящий о жизни и смерти вообще, приближен к конкретной к человеку, которого мы видим. Он живет так, как если бы всей его жизни оставался очень короткий срок — скажем, всего час. Вместишь в этот час все, чем прекрасна и недосягаема жизнь настоящих людей, — значит подняться еще на одну вершину. Отсюда видно далеко вокруг. Он всматривается в эту даль, и безмерным, просветленным доверием к жизни исполнено его раздумье о времени, о собственном сыне, о трудном человеческом счастье на нашей земле. Спектакль «Остается час» с О. Каганом в главной роли кажется нам принципиально важным в общем репертуаре театра. В нем находишь ответ сложным проблемам современности.

Впрочем, выделение какого-то одного спектакля как наиболее значительного крайне условно. Разве нельзя сказать того же о «Тане»? Разве

«Мой бедный Марат» не ставит нас перед проблемой того же трудного счастья? Разве в «Человеке со стороны» не звучит современная тема преодоления и борьбы? Как многогранен, как захватывающе близок человек, наш современник, в каждом из этих спектаклей. И в каждом из них — забываемое яркое работы актеров. Таня и Лиля в исполнении засл. арт. РСФСР А. Фрайндлих — целый мир, который останется с нами надолго, и, возвращаясь к нему, мы снова и снова будем открывать в нем неисчерпаемость человеческого обновления. Нужно ли говорить, что любая роль, сыгранная Аليسой Фрайндлих, — праздник? Нужно ли повторять, что потрясение, рожденное настоящим искусством. — Драгоценнейший дар, способный преобразить саму жизнь?

В активности соприживания, с какой восприимчивостью сценического действия, — свидетельство большой творческой энергии театра. Только она способна рождать ответную волну.

Эта творческая энергия складывается из многих компонентов. Общее руководство театром заслуженного деятеля искусств И. Владимиров, работа режиссерского коллектива, художественное и музыкальное оформление спектаклей, актерский ансамбль — все это единый стиль театра. Единый, но вовсе не однообразный. Свидетельство тому — не только репертуар, включающий в себя Шекспира, Брехта, Арбузова, Милана, Липатеня, Зорина, де Филиппо... Драматургия самых неожиданных контрастов, требующая перевоплощений, трансформаций большого диапазона. Столь же многообразны и стили отдельных спектаклей, и актерские работы. Достоверно живой драматизм «Таня» (постановка И. Владимиров) и —

горький, обнаженный протест «Треугольной оперы» (И. Владимиров и М. Рехельс); трагикомический пафос «Человека и джентльмена» (И. Владимиров и А. Эстрин) и — сдержанный, аскетически строгий накал «Жестокости» (И. Владимиров и Г. Опоков). Глубиной, художественной тонкостью, чуткой интерпретацией драматургии отмечены очень разные по стилю спектакли Н. Райхштейн — «Укрощение строптивой», «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», «Остается час»...

Многочисленны и актерские работы. Четкие, емкие характеристики, которые дает своим героям А. Петренко, создавая галерею очень несхожих характеров. Полуэктов («Человек со стороны») — непоседливый, египетская натура. Его озабоченность выливается в бурную, но бесплодную деятельность, полемичность — в звонкую фразу Бюнделера («Укрощение строптивой») — туловатый, неуклюжий и подчеркнуто комичный слуга. И совершенно новое перевоплощение — граф Воронцов («Пушкин в Одессе»). Как будто замороженный граф, который хочет облобызать маску порядочности, преследует поэта. Эта маска отлично держится на подчеркнуто бесстрастном лице государственного мужа.

Особой страницей заметок о театре могли бы стать актерские работы А. Равиковича, Л. Дычкова, Д. Баркова, В. Цибяна, Л. Леоновой, засл. арт. РСФСР и Эстонской ССР М. Десяткина, Д. Бессонова, Г. Анципа, Е. Маркуевой, А. Эстрина. В каждой из них — проявление богатой индивидуальности, мастерства, безупречного актерского профессионализма.

Справедливость требует сказать, однако, что порой в репертуаре театра и в самой постановке спектаклей ощущается невысказанность. Рядом с действительно интересными, яркими работами соседствует, например, «Последний вечер» — спектакль довольно легковесный и невыразительный. В нем есть какие-то находки, какие-то проблески комедийности, но в целом искусственность ситуации

неизбежно рождает фальшивые ноты в действии. Как ни назови его — комедия, водеvil с песнями, куплетами и счастливым концом, он изначально мертворожденное детство. И вот его оживляют. В общем, оживляют по всем правилам. Очень милостивая Юля (В. Игоренкова) поет, комментирует, подбадривает. Словом, движет действие. Но действие, честно говоря, не движется. Его попросту нет. Есть заданность, как в репертуаре посредственного массовика-затейника. Уж он острит, уж он смеится, и сыплет сентенциями, и каламбурирует, и секреты свои поверлет заранее, чтобы создать этукую доверительность. Скудное это веселье, утомительное.

Не весело и на спектакле «Однажды в новогоднюю ночь». Тут правда, не сошлась на плохую драматургию. Напротив, здесь удивляешься, как веселая комедия Э. Брагинского и Э. Рязанова, остроумная, артистичная, легкая, вдруг превратилась в блеклое недоразумение. Что тому виной — неоправданные кутюры? Вслость, с какой играют актеры? Небрежность? Спектакль получился скуповатым, припорошенный пылью, едва живой. Это тем заметней, что красноречивы знают комедию в постановке более интересной — мы имеем в виду спектакль краевого театра им. А. С. Пушкина (режиссер Г. Меньшенин).

Нам кажется, театр им. Ленсовета может и должен поднять весь репертуар до уровня лучших своих спектаклей.

Эти заметки неизбежно беглы, они едва успевают за первым эмоциональным впечатлением. Сильным стремительна эта недолгая встреча.

И грустно: сегодня последний спектакль.

В. РАЗМАХНИНА.